МОДЕРНИЗАЦИЯ – АРХАИЗАЦИЯ – ИМИТАЦИЯ: КТО «ПРАВИТ БАЛ»?

Е.В. ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА

Начиная текст с такого названия, я нисколько не заблуждаюсь по поводу того, что все сразу вспомнят: бал-то правит сатана... Но к нему мы еще вернемся.

В статье В.И. Пржиленского «Управление архаизацией: между этикой, телеологией и технологией» поднят целый ряд важных и интересных вопросов, наводящих на размышления. Я попробую отозваться на них, обратившись к тому понятийному ряду, который использован в статье, и добавив новое понятие – понятие «имитация», которое также выражает, на мой взгляд, реалии и острые коллизии современного общества. Подчеркну сразу, что речь идет о России, ибо считаю, что страны Запада справятся со своими проблемами модернизации-архаизации без привлечения к их решению российских философов.

Говоря об архаизации, сразу заметим, что в контексте нашего разговора ее синонимом может быть термин «регресс» или «социальная деволюция» в социальном целом или в отдельных областях общественной жизни (так же, как термин «модернизация» практически является синонимом прогресса или эволюции, понятой как «движение вперед»). Архаизацию в заявленном нами понимании не надо путать с архаизацией, о которой говорят культурантропологи. Элементы «архаического» в культурантропологическом смысле могут встречаться или встречаются на всех этапах социального развития как некие универсальные константы «собственно человеческого», они никогда не становятся вполне «прошлым».

Модернизация: путь или идол?

Размышлять на тему *архаизации* можно, как мне кажется, только соотнеся ее с ее категориальной парой, которой в этом случае выступает *модернизация*. О модернизации России в последние 20 лет написано очень много. Существуют целые межрегиональные научные институты, объявившие своей задачей выяснение путей модернизации России, не говоря уж о конкретных авторах. Правда, плоды этих поисков весьма скудны, и даже сменившая «модную тему модернизации» тема «инноваций» ничего не прибавила ни к пониманию идущих в обществе процессов, ни к реальным успехам страны в какой-либо сфере жизни. Модернизация, на которую ритуально молятся политики и администраторы, остается чем-то вроде идола, которому надо периодически приносить символические жертвы, оставляя лозунг «движения вперед» без всякого внимания в области практической жизни.

Так куда же призывают нас бежать ревнители прогресса? Какие вершины брать и каких скороходов догонять? Заметим попутно, что эти «жаждущие прогресса» представители бюрократии, пронизавшей все поры российского общества, как правило, сами не очень хорошо понимают, о чем говорят, потому что учились в свое время неважно, а некоторые – в духе времени – и вовсе купили себе оценки и дипломы. Поэтому они просто повторяют агитки, спущенные «сверху».

Модернизация, о которой идет речь, в противоположность *стагнации* и тем более *архаизации*, означает, прежде всего: 1) быстрое развитие общества по западному типу (вестернизация – либерализация экономики, создание «открытого общества», занятие своего конкретного места в мировом разделении труда, высокая степень социального дарвинизма, декларация приоритета «прав человека», формирование «общества потребления» и т.д.) и 2) темповое развитие технико-технологической сферы, имеющей сугубо прикладное значение и дающей скорые доходы в условиях рыночности. В этом отношении модернизация, о которой все время говорят в России, является сугубо внешней для нее, «неорганической» и «догоняющей», она не вырастает из внутренних потребностей наличной экономической системы, ее собственных агентов, их глубинных потребностей и стремлений. Это, скорее, просто риторика власти, желающей показать все тому же сильному Западу, что и мы тут «быстро ездим на своей тройке».

В современной России, в которой практически отсутствует средний класс, предпринимательство задавлено мздоимной бюрократией, а экономическая элита в любой момент упакует чемоданы, чтобы обосноваться за рубежом, нет реальных факторов, которые побудили бы экономику и научно-техническую сферу действовать в режиме живой конкуренции для достижения прогрессивно-рыночных успехов. Это, с одной стороны, невозможно, а с другой, – практически никому не нужно. В России, где находятся в упадке и промышленность, и сельское хозяйство, и социальная сфера, включая образование и науку, где за честный труд не платят, а молодежь не имеет перспектив роста, ни у кого нет подлинного стимула ни к какому «достиженчеству». В этом отношении модернизация является чистой воды пропагандистской фикцией.

Ну, а если представить себе, что чудо совершилось и «процесс пошел»? Что даст он населению огромной страны? Прежде всего, резкое повышение фактора неопределенности и без того неспокойной и чреватой смутами социальной жизни. И вовсе не понятно, нужен ли в наши дни такой новый народный модернизационный подвиг (который, несомненно, был необходим в первой половине и середине XX в.)? Дело в том, что, по мнению некоторых авторов, Запад сам уже отступает от той модели, к которой Россия надумала стремиться в первое десятилетие нового века. Приведем обширную цитату из не-

зависимого экспертного доклада «Модернизация России как построение нового государства», написанного в 2009 г. и размещенного нынче в Интернете: «Уместен вопрос: остается ли Запад при этом эталоном и ориентиром модернизационного развития? Во многих отношениях, несомненно, остается. Но с существенной оговоркой, которая касается осознания симптомов демодернизации внутри самого западного общества. Перечислим некоторые из них:

• деиндустриализация, в том числе в высокотехнологичных секторах экономики;

• вытеснение цивилизации труда цивилизацией досуга в массовой культуре, эрозия этических оснований общества;

• практика мультикультурализма вместо ассимиляционной модели, геттоизация и культурно-этническая фрагментация общества;

• размывание среднего класса, нарастание социальной поляризации;

• кризис сложившихся образовательных и воспитательных моделей.

Эти и им подобные процессы могут быть интерпретированы как признаки перехода в новое постиндустриальное/постсовременное состояние, а могут – как сбои в цивилизации модерна (которой по-прежнему нет никаких позитивных исторических альтернатив). Но в любом случае они делают неадекватным наивное понимание модернизации как снятия кальки с текущего состояния западных обществ»[1]. Чтобы убедиться в определенной смене векторов цивилизационного движения, можно обратиться и к текстам других авторов, например к книге А. Дугина «Постфилософия», где на обширном материале и с опорой на современных французских авторов дается картина тенденций развития современного мира, и тенденции эти вовсе не напоминают рационально-прогрессистский, раннебуржуазный идеал XVIII в.

Архаизация или спонтанный выбор выживания?

Архаизация – уже по названию – выступает антиподом модернизации, обратным ей процессом. Если это слово просто взято на слух, то кажется, что оно и впрямь пахнет нафталином: что-то стародавнее, темное, глухое, деревенское, какое-то отступление назад от огней городов, компьютерных игр, скоростных воздушных лайнеров и прочих благ цивилизации. Однако архаизация может быть необходимым процессом, причем отличающимся от традиционализации или стремления к неотрадиционализму. Традиционализация выступает сознательным фактором (стоит хотя бы вспомнить в XX в. концептуальный, философский традиционализм Рене Генона), а архаизация, как говорят об этом исследователи, является, прежде всего, спонтанной приспособительной реакцией на невыносимые условия, на невозможность жить и развиваться в том режиме, который привел к сегодняшнему дню. «Причинами архаизации общества, – пишет Ч.К. Ламажаа, изучаю-

щая архаизацию как социальный процесс, – являются кардинальные реформы, инициированные властью с целью модернизации общества и не согласующиеся с культурными традиционными особенностями модернизируемого общества, что приводит к кризису социальной трансформации, социальной анархии и соответственно – дезориентации, дезорганизации значительной части общества, становящейся носителем архаизационных тенденций и, в конечном счете, субъектом архаизации, поскольку массы вынуждены с целью выживания обратиться к архаическим культурным смыслам и социальным практикам. Субъекты архаизации могут принадлежать ко всем социальным слоям; общим для них является ориентация на архаику»[2].

Таким образом, архаизацию нельзя отметать как нечто заведомо «ретроградное и черносотенное», она имеет свои функции и, будучи порождена все той же модернизацией (или неловкими попытками модернизации) играет свою особую роль в стабилизации человеческой жизни.

У архаизации есть плюсы и минусы. Каков их критерий? Что, собственно, считать хорошим и плохим в спонтанном процессе, являющемся реакцией на дисгармоничные изменения? Если исходить из универсально гуманистических установок, это два момента: первый – выживание общности и личности; второй – возможности совершенствования общности и личности, опять-таки понятые как ориентированные на гуманистические ценности культуры. Критерии эти достаточно абстрактны, но в рамках небольшого размышления мы не можем их раскрыть подробнее. Итак, взглянем коротко на ситуации, где архаизация играет позитивную и где – негативную роль.

Несомненной архаизацией выступает в России активное занятие населения частным приусадебным хозяйством, притом, что граждане не выращивают цветочки лишь для красоты и не выступают экспериментаторами, реализующими на земле свои фантазии, а просто кормятся с этого участка, заготавливают припасы. Однако такая архаизация – необходимый момент для миллионов людей, которым в противном случае просто грозил бы голод и вымирание. До определенной степени архаизацией в экономике можно считать возврат к простым формам снабженческо-сбытовой, производственной и финансовой кооперации, которые, казалось бы, давно остались позади. Но это тоже важный фактор для выживания и стабилизации. Еще один «архаический фактор» – рост религиозности, ибо вестернизированная модернизация предполагает секуляризацию и рационализацию мировоззрения. Стоит только вспомнить, что три миллиона человек в России пришли поклониться поясу Богородицы – и мы увидим, что такая архаизация играет роль массовой психотерапии: людям не на что надеяться, и они надеются на чудо, вера и надежда помогают им справиться с трудностями и страданиями.

В то же время архаизация может быть вполне «антигуманной», ведущей не к «светлым», а к «темным» сторонам прошлого. В современных условиях это, например, возвращение массового недоверия и презрения к учебе и знанию, свойственного «простому люду» былых времен. Поскольку ни ученым, ни преподавателям не платят на том уровне, чтобы они могли жить в материальном отношении достойно, интеллигенция или, точнее, интеллектуалы становятся изгоями общества, странными маргиналами, «ботаниками», не умеющими «ковать деньгу». Известно, что в большинстве школьных и студенческих групп хорошо учиться считается неприличным, а успевающих студентов травят. Отсюда открывается перспектива культурного одичания, которое, собственно, уже идет, ибо современный российский студент XXI в. часто не умеет прочитать слов с двумя корнями и вообще владеет русским языком как иностранным – только в пределах базовой лексики. Он не знает ни истории, ни географии, ни литературы и гордится этим.

Другой вариант «темной архаизации» – возвращение простоты и грубости нравов, массовое использование мата, когда люди могут сказать: «Мы матом не ругаемся, мы матом разговариваем», причем это касается в равной степени мужчин и женщин.

Еще один широко распространенный вариант архаизации – актуализация и доминирование в экономике и политике, а также во всех иных сферах жизни кумовства, местничества и клановости. Вне зависимости от качества работы человека и его личных достоинств предпочтение всегда отдается «своим»: родственникам, свойственникам, личным друзьям, единоверцам, соплеменникам.

Таким образом, архаизация – сложный процесс, к тому же «плюсы» и «минусы» в ней могут быть спутаны и сплавлены друг с другом.

Некоторые авторы, такие как уже упомянутый в статье В.И. Пржиленского Михаил Делягин[3] считают, что архаизация – неизбежное следствие нынешнего экономического положения в мире. Когда снята угроза глобальной военной конфронтации, полагает он, у науки пропадает «срочная задача» обеспечения безопасности, откуда и следует падение ее престижа, а вслед за этим – и престижа образования. Архаизация является в таком случае закономерным следствием не в меру разогнавшейся модернизации, споткнувшейся на отсутствии острой прагматической нужды.

Имитация: модернизированная архаика

Любопытным парадоксом современной российской жизни является глубокая архаичность отношений и структур, переряженная в формы «западной модернизации», полное расхождение между декларируемыми и реальными целями практически любой деятельности. Имитация[4] на удивление стала ведущим образом и стилем жизни

огромной страны. Уже выросли поколения, которые искренне считают, что «ничего настоящего нет», что можно и должно всех обмануть, не быть, а только «казаться», что главное – материальное богатство и развлечение, а все остальное, включая труд, науку, семью и мораль – это только выдумка тех самых «не умеющих жить ботаников».

Россия во многом остается феодально-монархическим образованием, одетым в наряд демократии и исповедующим идеологию технократизма. Эта архаика в «модном платье» может быть прослежена как вообще в экономической и политической сфере, так и отдельно в области образования. Так, современный российский университет представляет собой жесткую бюрократическую структуру, которую возглавляет самовластный «царь-батюшка», а подразделения выступают «феодами», где отдельные феодалы ходят на поклон к царю, стремятся в собственном феоде кормиться («коммерческая самостоятельность» подразделений корпоративного университета), собирают дань с нищих рядовых исполнителей («добровольные отчисления» в казну заведения). Университетская «знать» (бюрократия разных уровней) развлекается за государственный счет, разъезжая по странам мира как бы с целью перенимания зарубежного опыта, однако, что можно перенять за неделю? Разве что сходить на вещевой рынок в Испании или во Франции... Ну, а рядовой преподаватель (полукрестьянин-полупролетарий) тянет лямку, и нагрузка его непрерывно увеличивается, доходя в прямом смысле слова до «эксплуатации насмерть». И думать о содержании своего труда ему уже некогда, потому что феодальная бюрократия велит ему «перебрать просо к утру», т.е., делать множество бессмысленных и пустых формализованных дел, опять же наряженных в «инновационные наряды»: писать несметное количество отчетов и планов, мастерить электронные презентации, бесконечно переделывать учебно-методические комплексы, считать рейтинги, которые потом все равно надо будет переписывать, ибо правда никому не нужна[5]. И царь-ректор в таком университете тоже никогда не будет переизбран, потому что царей-то не выбирают... Его может сместить только еще более могучий царь-министр (если на то будет его высочайшая воля).

Так можно ли управлять архаизацией?

Я думаю, что многими процессами в обществе, в том числе архаизацией и модернизацией можно в определенной степени управлять или, по крайней мере, их регулировать. Если конечно, хотеть и если, конечно, иметь достаточно знаний. Опыт того же самого Запада показывает, что умная власть, способная прислушиваться к населению, поддерживать с ним «обратную связь», способна очень даже неплохо справляться с корректировкой социальных процессов. Однако у нас в России на сегодняшний день просто отсутствует властная элита,

которая желала бы «управлять модернизацией и архаизацией» в целях улучшения жизни граждан. В начале статьи мы задали вопрос: «Кто правит бал?» и сразу же метафорически ответили: сатана. Что это за сатана такой? Откуда есть-взялся? А сатана этот – фундаментальная порочность российской властной элиты: ее алчность, властолюбие, эгоизм, ненасытная жажда самообогащения и самоутверждения. Все эти пороки – моральные пороки, давным-давно известные человечеству, и, к сожалению, лекарства от них до сих пор никто не выписал.

Архаизацией или модернизацией можно управлять, находить рациональные механизмы воздействия на ситуацию, когда ты хочешь гармонизировать социальную систему. Но если ты *говоришь*, что хочешь улучшить положение в стране, а сам *желаешь лишь возвеличить себя*, чувствовать себя властным, всемогущим, несметно богатым, то, конечно же, никакой гармонизации не будет, потому что никто за нее и не берется. Можно сейчас вспомнить фразу, приписываемую Петру Авену, которую в 90-е годы с ужасом передавали из уст в уста: «А зачем нам в России образование? Его тут не нужно, все закроем, а своих детей за границей выучим». Я не знаю, была ли эта фраза сказана именно так, но смысл был такой, и верно, что нет дыма без огня. В данном случае человек – властный и влиятельный – вполне цинично рассказал о своих планах, не упаковывая их в разговоры о «хорошей модернизации» или «плохой архаизации». Огласил реальную цель, полагая, что все равно ему никто не помешает осуществлять его намерения. Чаще бывает иначе: разные сферы российской социальной жизни мягко и ненавязчиво лишаются управленцами их естественных корней под велеречивые лозунги «модернизаций» и «инноваций». Душат запретами, истощают взятками, перерезают путь грабительскими условиями, потому что патриотизм стал неприличным, совесть – архаичной, а честность – смешной.

Нам придется ждать рождения новой властной элиты, чтобы чем-либо разумно управлять. Главное, чтобы она не была хуже прежней.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пономарев И., Ремизов М., Бакулев К.* Модернизация России как построение нового государства. - М., 2009 // http://www.apn.ru/publications/article22100.htm

[2] *Ламажаа Ч.К.* Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) //http://discollection.ru/article/12092011_lamazhaachk/3

[3] См.: *Делягин М.* Архаизация как основная тенденция современности // http://www.ossp.ru/foros/news/4640/

[4] См. об этом: *Золотухина-Аболина Е.В., Золотухин В.Е.* Большая имитация. Образование и наука в современной России // Свободная мысль. 2008. № 2.

[5] Об этих и других проблемах образования можно прочитать в статьях Р. Громова и В. Куренного в журнале «Неприкосновенный запас» (2011. № 3).